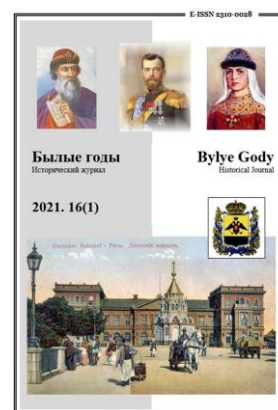

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 110-117.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.110
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Elena K. Mineeva ^d, Leonid L. Balanyuk ^e

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^d I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

^e Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with slavery in the khanates of Central Asia, primarily in Khiva and Bukhara in the first half of the XIX century. The attention is paid to the capture of prisoners and their ethnic structure, the slave trade, the living conditions of slaves, as well as attempts to free slaves from slavery, which were made both personally by the captives and by different states.

As materials, we used various materials of personal origin. First of all, these are the materials of personal origin of representatives of Russian diplomatic missions, Russian officers of the participants in the Khiva campaigns, as well as Russian and foreign travelers.

In conclusion, the authors state that the slave trade and slave capture in Central Asia accounted for a significant part of the region's economic income. The prisoners were captured by nomadic Turkmens in Persia and Russia, and then taken to slave markets in the Asian khanates. It should be clarified that the status of Asian slaves was comparable to the status of domestic animals, and various forms of violence were used against the slaves, including for religious reasons.

For the captives brought to the slave market, the nomadic Turkmens received food, and the buyers sent the captives to agricultural work, for the food production. As a result, an economically attractive chain was created between the nomad, the slave trader and the exploiter. Due to the lack of slaves, the captives were harshly exploited, receiving a minimum of food and clothing from the slave owners. Most of the slaves in Central Asia were natives of Persia, slaves from Russia were much less due to the measures to protect the border – the Orenburg line. However, to completely stop the raids on the territory of Russia, more drastic measures were required, namely, the creation of fortifications directly in the Kyrgyz steppe.

Keywords: slavery, Central Asia, the first half of the 19th century, khanates, Bukhara, Khiva.

1. Введение

Институт рабства в первой половине XIX века был присущ многим государственным образованиям мира, не были исключением из правил и ханства Центральной Азии. Однако, как и на любых других территориях, центральноазиатское рабство имело свои региональные особенности. В данной работе нами рассмотрена его природа и в качестве иллюстраций приведены конкретные примеры.

2. Материалы и методы

Источниками статьи послужили различные материалы личного происхождения, в первую очередь документы русских дипломатических миссий и офицеров-участников Хивинских походов,

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

а также российских и иностранных путешественников. Здесь необходимо назвать записки А. Вамбери (Вамбери, 1865) и Ф. Назарова (Назаров, 1968), а также дневники А. Борнса (Борнс, 1849), Н.Н. Муравьев-Карсского (Муравьев-Карсский, 1822), Е.К. Мейендорфа (Мейендорф, 1975) и Э. Шайлера (Schuyler, 1876). Из участников Хивинского похода свои записки оставили М.И. Иванин (Иванин, 1874) и Е. Косырев (Косырев, 1898).

В работе широко применялся описательный метод, благодаря которому из массы эпизодически возникающих сюжетов была составлена картина рабовладения на территории Центральной Азии. Также был использован аналитический метод для сопоставления данных разных источников, например, сведений о числе освобожденных русских пленников после Хивинского похода.

3. Обсуждение

Историографию по теме исследования мы разделили по хронологическому принципу на три периода: дореволюционный, советский и современный российский.

Среди дореволюционных выделяется группа трудов по покорению Средней Азии российских и иностранных авторов. Так, например, необходимо отметить работы М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии» (Терентьев, 1903) и «Хивинские походы русской армии» (Терентьев, 2010), а также труд Г.А. Мас «Gahan. Campaigning an the Oxus and the Fall of Khiwa» (Мас, 1874). В это время также предпринимались попытки изучения Туркестанского региона, например, сборник статей А.П. Хорошхина (Хорошхин, 1876) и «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска», составленный Ф. Стариковым (Историко-статистический очерк, 1891).

Среди работ советского периода можно назвать «Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг.» (Материалы по истории..., 1940), труд Н.А. Халфина «Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)» (Халфин, 1974). Также исследовались и торгово-экономические отношения, в качестве примера можно привести «Историю торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)» М.И. Сладковского (Сладковский, 1977).

В современный российский период эту тему затрагивали Е.В. Bebeshko и другие при изучении внешней политики разных стран в Туркестане (Bebeshko et al., 2017). Проблемам безопасности торговых путей в Центральной Азии уделяли внимание Ю.А. Лысенко (Lysenko, 2019), а также В.А. Bulgarova и другие (Bulgarova et al., 2020). Ю.А. Лысенко также обращалась к изучению дипломатических отношений между Россией и азиатскими ханствами (Lysenko, 2018).

4. Результаты

Об отношении к персидским рабам А. Вамбери оставил следующие записки: «Я часто возвращался домой, где персидский раб Кюльхана молил о капле воды: его целых два дня кормили соленой рыбой вместо хлеба и после целого дня работы на дынных грядках ему отказывали даже в капле воды. Хорошо еще, что я был один в палатке; вид взрослого человека, заливающегося слезами, заставил меня забыть о риске: я подал ему череп с водою и он утолил жажду, пока я стоял на стороже в дверях. Поблагодарив меня горячо, он поспешил выйти. Этого несчастного мучили решительно все, особенно же вторая жена Кюльхана, бывшая персидская рабыня, желавшая доказать свою преданность новому отечеству» (Вамбери, 1865: 43).

Труд женщин-рабынь применялся и в гаремах. Так, например, у бухарского эмира Мозаффар-эд-Дин-Хана было четыре законных жены и до двадцати невольниц, которые, по мнению А. Вамбери, употреблялись только для ухода за детьми, которых у эмира было шестнадцать (десять девочек и шесть мальчиков) (Вамбери, 1865: 98). Гаремы были только для жен, и максимальное их количество было ограничено четырьмя.

На рабовладении зиждилась значительная часть сельского хозяйства. Так, например, в Хиве рабов-иноземцев практически не было, а земли обрабатывались невольниками, купленными или захваченными в плен (Муравьев-Карсский, 1822: 33). Хивинцы располагали значительным количеством русских невольников, которых им продавали киргизы. В свою очередь киргизы захватывали русских на Оренбургской линии. Обращение с этими невольниками, как отмечал Н.Н. Муравьев-Карсский, было «самое жестокое; по малейшему подозрению о побеге, они (хивинцы – Авт.) наказывали их жестоким образом, если же сие во второй раз случится, то пригвозживают их за ухо к дверям и оставляют в таком положении трое суток; если они вынесут сие наказание, то продолжают по-старому томиться в неволе» (Муравьев-Карсский, 1822: 92-93). Конечно, невольник мог бы убежать, пожертвовав ухом, но ханство было окружено обширными безводными степями, поэтому многие невольники часто сводили счеты с жизнью при помощи самоубийства (Муравьев-Карсский, 1822: 75). Принципиальным отличием Азии от Кавказа была практическая невозможность бегства из плена, так как на территории ханств Киргизской степи не было русских форпостов, которые могли бы стать убежищем для беглецов. Ситуация осложнялась еще и обширными пустынями, что значительно удлиняло период бегства, а также заставляло предпринимать значительные усилия для подготовки к побегу. Лишь к 1860-м и 1870-м гг. фиксировались единичные случаи удачного бегства из плена, но такие ситуации объяснялись специальным попустительством ханов, которые не желали идти на открытую конфронтацию с русской администрацией и деятельностью русских миссий, которые занимались вывозом пленников на родину.

На ярмарках в Хивинском ханстве туркмены покупали пшеницу и всякого рода хлеб в обмен на невольников, которые впоследствии применялись в самых тяжелых работах, по большей части в обработке земли. В.В. Муравьев-Карсский отмечал, что если бы торг рабами прекратился, то Хива лишилась бы единственного своего богатства, состоящего в хлебе, и обратилась бы в бесплодную пустыню (Муравьев-Карсский, 1822: 91). К сожалению, обычай ловить и продавать невольников для кочующих народов и покупать их для хивинцев стал необходимым. Кочующие племена нуждались в хлебе, который покупали в Хиве, хивинцам же для обработки своих полей нужны были невольники, что в результате приводило к процветанию отрасли рабозавхата, работорговли и рабовладения.

Власть хозяев над невольниками была полной. Они имели право убить их, но редко делали это, чтобы не лишиться работника. Обычно невольникам выкалывали один глаз или отрезали ухо в качестве наказания (Муравьев-Карсский, 1822: 110). Такое же отношение к пленникам было и на Кавказе, Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян писали о кавказских рабах: «Это было (доброе отношение к рабам – Авт.) скорее рачительное отношение хозяина к своей вещи, которая может принести пользу, пока находится в хорошем состоянии» (Klychnikov, Lazaryan, 2018: 36).

Питание невольников – это особая тема. Их рацион состоял из хлебного пайка, который невольник получал от хозяина, но, продавая часть его для скопления денег на собственный выкуп и одежду, невольник часто целые дни проводил без пищи или кормился за счет подаяний или воровства (Муравьев-Карсский, 1822: 128).

Численность рабов в Хиве, по оценкам В.В. Муравьева-Карсского, составляла в начале 1820-х гг. до 3 тыс. русских, около 30 тыс. персов и значительное количество курдов (Муравьев-Карсский, 1822: 29-30).

По наблюдениям В.В. Муравьева-Карсского, все грабежи и разбои внутри Хивинского ханства большей частью производились невольниками и туркменами, особенно в то время, когда они ездили для жжения угля в степь. Нужно понимать, что угольный промысел представлял значительную выгоду, поэтому владельцы отправляли своих невольников на добычу угля; нередко случалось, что отправленные на угольный промысел партии встречались, грабили друг друга, нападали даже на караваны и проезжающих купцов. Однако в начале XIX века право грабежа стало принадлежать исключительно хану, который считал этот вопрос государственным: или войной, или мщением, или наказанием, или налогом на купцов. Когда же это делалось подданными, то хан наказывал за это преступление и сажал их на кол (Муравьев-Карсский, 1822: 71). Нужно также оговориться, что столь суровое наказание хана за грабежи могло быть заменено на лишение всего имущества у провинившегося.

Описывая виды преступлений и наказаний в Хивинском ханстве, нельзя не сказать еще о двух наказаниях, которые назывались домашними. Первое состояло в беспощадном избивании провинившегося по всем частям тела без разбора, а второе – состояло в разрезании рта до ушей; к последнему наказанию осуждали тех, кто курил табак. Важно пояснить, что в Хиве многие жители курили, и это оставалось без внимания, исполнение закона требовалось ханом в том случае, если на провинившегося не находилось других доказательств вины. Иными словами, наказания провинившихся ханом носили избирательный характер, но если человек попадал в немилость, то расправа над ним под «благовидным предлогом» была практически мгновенна (Муравьев-Карсский, 1822: 72).

Однако это далеко не все виды казней, которые применялись в Киргизской степи. Так, если учесть, что власть хана, например в Хиве, не была наследственной, то в борьбе за власть широко применялись смертные казни через отсечение головы саблей. Для послов и иноверцев применялось погребение их живыми в степи, так как считалось, что кровью неверных не должно обгагрять земли верной. Применялась и другая казнь – сдирание кожи с живого пленника, согласно сведениям В.В. Муравьева-Карсского, именно таким образом был казнен в 1717 г. князь Бекович-Черкасский. Снимая кожу с князя, люди хана «начали с колен и ею обтянули барабан» (Муравьев-Карсский, 1822: 73).

В Кокандском ханстве чиновник даже самого высокого ранга за измену, взяточничество, заговоры и так далее наказывался смертной казнью. Имя провинившихся передавалось в казну, а жен и взрослых дочерей выдавали замуж за простых солдат. За воровство отрубали руку. Ф. Назаров был свидетелем того, как за воровство 30 баранов вору отрубили мечом кисть правой руки, обмакнули обрубок руки в горячее масло для остановки крови и потом отпустили на волю. За убийство отдавали преступника в распоряжение родственников убитого: они могли его продать или потребовать казнить убийцу (Назаров, 1968: 52).

В Хивинском ханстве никакие исповедания не были терпимы, кроме господствующего – ислама суннитского течения; но русские невольники, находящиеся в Хиве, по твердости своей и приверженности к православию игнорировали ислам и, более того, нередко собирались в уединенные места для чтения молитв и там в смиренном умоляли Господа о ниспослании благодати на отдаленное от них, но тем не менее возлюбленное Отечество и о возвращении своем на родину. Способности, сила и трудолюбие русских, даже в состоянии неволи, возродило к ним уважение от угнетателей; так что хозяева их, ревностные мусульмане, нарушали для них главное постановление свое – нетерпимость других вер – и позволяли им ежегодно праздновать три важнейших торжества: рождение, крещение

и воскресенье Христово. В эти праздники христианам разрешалось не работать ([Муравьев-Карский, 1822: 135-136](#)).

Ф. Назаров упоминает в своих записях двух русских невольников, которые обратились к нему, когда он с посольством пришел в город Пишкет. Первым был Андреян Иванов, который был схвачен киргизами по дороге в Оренбург, привезен в Хивинское ханство и продан за 40 червонных, а оттуда отвезен был в подарок бухарскому владетелю, от которого бежал, услышав о прибытии русского посольства в город. Вторым русским был Максим Головаченков, который, будучи в малолетстве в Кременчуге, около 25 лет назад с отцом своим отправился к крымским татарам, был захвачен двумя армянами и двумя татарами и увезен в Персию, оттуда продан в Бухарию и, хотя через 8 лет предпринял попытку бегства, но опять был схвачен киргизами и возвращен в Бухару ([Назаров, 1968: 57](#)). В особенности второй случай наглядно демонстрирует, что единая работоторговая сеть действовала повсеместно на территории Крыма, Черкесии, Кавказа и Азии.

Рабы-персы в Хиве имели название «дугма» ([Хорошхин, 1876: 484](#)). Основными поставщиками в Хиву рабов были туркмены, которые доставляли пленников через Мервский невольничий рынок, а также иомуды и чаудоры – через Гюргенский. Случалось, что хивинские работоторговцы и сами приезжали в Мерв или кочевья туркменов, где и приобретали себе невольников. Главными же служили рынки всех больших городов: Хивы, Куны-Ургенча, Кунграда, Чимбая, Ходжеиля, Ханка и других, а на правом берегу Амударьи – Шура-ханы и Ша-Аббас-Вали, куда туркмены пригоняли рабов, по их выражению, «как баранов» ([Хорошхин, 1876: 484](#)). На один базар пригоняли за раз по 200 и более рабов, продажа при этом шла как в одиночку, так и партиями.

По словам советника хивинского хана Мат-Мурада, цены на рабов постоянно колебались, что зависело от спроса и наплыва невольников из Туркмении. Кроме того, цены зависели также от возраста и пола, а еще более – от физических качеств раба или рабыни. Вообще же крепкий, здоровый мужчина без физических недостатков стоил до 100 тиллей (малых); молодая женщина, а еще более девушка стоила до 300 тиллей. Дорого, до 300 тиллей, продавались только мальчики до 15 лет ([Хорошхин, 1876: 485](#)).

В 1860-х–1870-х гг. в Хиве фиксировались случаи, когда человек был в рабстве более 50 лет. В качестве примера назовем Дмитрия Матвеевича Постнова, уроженца Нижегородской губернии села Черноречья, который 55 лет жил в неволе в Хиве. Захвачен он был туркменами в 15-летнем возрасте ([Хорошхин, 1876: 485](#)). Нужно отметить, что аналогичные случаи пребывания в рабстве фиксировались и на Кавказе, например в Черкесии. Так, в 1837 г. из Черкесии на русскую сторону выбежал 73-летний черкес Асланж Джамбулат, который был захвачен в плен убыхами и 55 лет проживал в рабстве ([Cherkasov, 2020: 1424](#)). Несмотря на длительные сроки пребывания в рабстве, многие пленники не получали долгожданной свободы, несмотря на все свои усилия. Причин освобождения из рабства было две: многолетняя верная служба или выкуп (от 50 до 300 тиллей). Освободившиеся рабы носили название «азат», а рабы, освобожденные ханом, – «ханазат». К слову, также назывались ханские лошади, которые переходили в частные руки. Ханазаты в сравнении с азатами жили значительно лучше; многие из них оставались служить хану и даже занимали высокопоставленные посты. Большинство освобожденные рабы нанимались на полевые работы к частным лицам, за что получали от 10 до 30 тиллей в год, в редких случаях больше. Почти все они были очень бедны ([Хорошхин, 1876: 485](#)).

Возвращение рабов на родину всегда было проблематичным, так как выкуп был дорог, а пытавшиеся бежать рисковали снова попасть в руки туркмен, что и происходило неоднократно. Впрочем, были и такие люди, которые свободно проходили всю туркменскую степь с караванами через Мерв до самых границ Персии. Для многих рабов возвращение на родину являлось делом сложным ввиду отсутствия средств или состоятельных родственников, поэтому многие предпочитали погибнуть в пустыне, нежели оставаться в ханстве. В начале 1870-х гг. документально фиксировались случаи многократного пребывания в рабстве некоторых невольников. Так, один молодой иранец свидетельствовал, что был освобожден первый раз из рабства в Ташкенте генералом Черняевым, незадолго до похода его к Джтзаку, вернулся через Оренбург, Самару, Астрахань и Астрабад на свою родину в Машад (Мешхед) и, женившись там, через два года снова попал в плен к туркменам в то время, когда пас баранов в степи ([Хорошхин, 1876: 486](#)).

Согласно сведениям, собранным при туркестанском и оренбургском отрядах, в 140 городах и деревнях Хивинского ханства число дугма (рабов-персов) составляло до 36806 человек. Из них собственно рабов 29291, а освобожденных рабов (азат и ханазат) – 6515 человек. Освобожденные рабы в начале 1870-х гг. владели 2634 танапами пашен и 3 танапами садов. Таким образом, на каждого освобожденного раба приходилось около 1/3 танапа земли для пропитания; рабы же вообще ничем не были обеспечены ([Хорошхин, 1876: 486](#)).

Набеги кочевников на населенные пункты Оренбургской линии совершенно не отличались от набегов черкесов на кубанские станицы. Так, 14 августа 1844 г. азиатские хищники напали на Екатерининскую станицу. В ходе налета было сожжено 36 домов, уничтожено или похищено имущества на 40 тыс. руб., убито 4 человека (помимо этого, в пожаре сторело еще 6 человек),

захвачено в плен 27 человек. Кочевниками было угнано более 2 тыс. голов разного скота (*Историко-статистический очерк, 1891: 110*).

Проводя параллели между тактикой русских войск на Кавказе и в Азии, нельзя не отметить запрещение русским войскам преследования хищников на их территории. Эти правила действовали как в Азии, так и на Кавказе. Главная причина их заключалась в том, чтобы как можно меньше провоцировать сопредельную сторону на новые налеты (*Историко-статистический очерк, 1891: 25*). В 1830-х гг. кочевники захватывали людей даже под Оренбургом.

Первые мероприятия по освобождению рабов в Хиве начались после ее захвата русскими войсками и ограничения хивинского хана во власти. Только тогда хивинский хан издал манифест об освобождении рабов, однако не все рабовладельцы прислушались к нему. В ряде мест они заковали своих рабов в цепи. Так, например, имелись сведения, что в городе Ханка в цепях находилось 2,5 тыс. рабов, в Сарголи – 100, в Ак-мечети – 25, в Тегене – 45 (*Хорошхин, 1876: 486-487*). Днем их выводили на работу в поле, а ночью в цепях запирали в саклях, чтобы они не убежали к русским (*Хорошхин, 1876: 487*).

В 1839–1840 гг. российские войска предприняли очередную репрессалию для возвращения русских пленников на родину и обеспечения защиты торговых караванов. Эта репрессалия называлась Хивинским походом. Продвижение русских войск в глубь Киргизской степи и несколько боевых столкновений заставили хивинского хана издать 19 июля 1840 г. фирман, в котором под угрозой смертной казни запрещалось хивинцам грабить и пленить русских подданных. Помимо этого, хан приказал вернуть всех русских пленных. Потери русских войск в боевых столкновениях Хивинского похода были невелики: около 5 человек, из них 4 погибли в бою, а один был захвачен в плен и умер во время пыток. Тело пленного было найдено обожженным, колени проколоты, а сквозь них была продета бечевка. Пленного жарили заживо, подвесив за руки и за ноги над костром. С целью устрашения почтарей-киргизов на русской службе кочевники, поймав одного такого посыльного, после истязаний разрубили пополам по поясу и обе половины поставили по обе стороны дороги. При этом рот жертвы был набит сургучными печатями, сорванными с пакетов, и мелкими кусочками изорванных писем (*Терентьев, 1903: 150*). Всего, по данным И.М. Иванина, было возвращено 416 человек (*Иванин, 1874: 158*). Однако имеются и другие данные о численности возвращенных пленников. Так, например, Е. Косырев называл цифру в 600 возвращенных пленных (*Косырев, 1898: 544*), при этом он полагал, что они были захвачены во время Хивинского похода (1839–1840 гг.) русскими солдатами. Мы полагаем, что мнение Косырева о том, что все пленные были захвачены в ходе Хивинского похода, ошибочно, скорее всего, там были и пленники, захваченные на линии. В подтверждении этих слов можно проиллюстрировать данную ситуацию следующим эпизодом: «...Хан освободил собственных невольников, приказал сделать то же и всем подданным своим» (*Терентьев, 1903: 175*). Однако бесспорно то, что в Россию вернулась самая большая партия русских пленников из Азии. Эти люди стали живым свидетельством рабства в Азии, они рассказывали о том, как их продавали, били кнутами и нагайками, держали в клоповниках без пищи. Глубокие шрамы на плечах и спине свидетельствовали об истязаниях, которым подвергались эти люди. Несколько человек были с выколотыми глазами (*Косырев, 1898: 544-545*). И.М. Иванин сравнивал Хиву с Алжиром: «Хиву по ее действиям в отношении к ее соседям можно было назвать Алжиром Средней Азии, так как главным промыслом ее правительства было грабить своих соседей и торговать людьми» (*Иванин, 1874: 19*).

К середине 1840-х гг. стало очевидным, что нападения на оренбургскую линию не прекратятся до тех пор, пока русские не выставят укрепления внутри Киргизской степи. Так возникли укрепления Раимское близ устья реки Сырдарья и промежуточные форты Карабутак и Косарал. С устройством фортов на пути отступления хищников нападения прекратились и Хива стала меньше получать русских пленников (*Терентьев, 1903: 204-205*).

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что работорговля и рабозахват в Центральной Азии в экономике региона составляли значительную часть доходов. Пленники захватывались кочевниками-туркменами в Персии и в России, после этого доставлялись на рабовладельческие рынки в азиатские ханства. Необходимо пояснить, что азиатские рабы были сопоставимы с домашними животными, к ним применялось разнообразное насилие, в том числе по религиозным мотивам.

За доставленных на рабовладельческий рынок пленников туркмены-кочевники получали продукты питания, а покупатели направляли пленников на сельскохозяйственные работы для производства продуктов питания. В результате создавалась экономически привлекательная цепочка между кочевником, работорговцем и эксплуататором. Ввиду отсутствия недостатка в рабах пленники жестко эксплуатировались, получая от рабовладельцев минимум еды и одежды. Большую часть рабов в Центральной Азии составляли выходцы из Персии, рабов из России было гораздо меньше, благодаря мерам по охране границы – Оренбургской линии. Однако для полного прекращения налетов на территорию России требовались более решительные меры, а именно создание фортификационных сооружений непосредственно в Киргизской степи.

Литература

- Борнс, 1849** – Борнс А. Путешествие в Бухару в 1831–1832 и 1833 гг. В 2 ч. Ч. 2. М., 1849.
- Вамбери, 1865** – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 157-158.
- Иванин, 1874** – Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874.
- Историко-статистический очерк, 1891** – Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска / Сост. Ф. Стариков. Оренбург, 1891.
- Косырев, 1898** – Косырев Е. Поход в Хиву в 1839 г. (из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 539-545.
- Материалы по истории..., 1940** – Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. 543 с.
- Мейендорф, 1975** – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 183 с.
- Муравьев-Карский, 1822** – Муравьев-Карский Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: типография Августа Семена, 1822.
- Назаров, 1968** – Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.
- Сладковский, 1977** – Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1977. 440 с.
- Терентьев, 1903** – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 2 т. СПб., 1903.
- Терентьев, 2010** – Терентьев М. Хивинские походы русской армии. М., 2010. 448 с.
- Халфин, 1974** – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
- Хорошхин, 1876** – Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
- Bebeshko et al., 2017** – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3: 853-860.
- Bulgarova et al., 2020** – *Bulgarova B.A., Barabash V.V., Muzykant V.L., Kasymalieva K.E.* The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1093-1100.
- Cherkasov, 2020** – *Cherkasov A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.
- Lysenko, 2018** – *Lysenko Yu.A.* «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2018. № 50(4). Pp. 1518-1529.
- Lysenko, 2019** – *Lysenko Yu.A.* The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 138-148.
- Mac, 1874** – Mac G.A. Gahan. Campaigning an the Oxus and the Fall of Khiwa. London, 1874.
- Schuyler, 1876** – *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kullja, London, 1876.
- Klychnikov, Lazaryan, 2018** – *Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S.* “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 31-39.

References

- Bebeshko et al., 2017** – *Bebeshko, E.V., Kryzhko, E.V., Pashkovsky, P.I., Shchevelev, S.S.* (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3. Pp. 853-860.
- Borns, 1849** – *Borns, A.* (1849). Puteshestvie v Bukharu v 1831–1832 i 1833 gg. [Travel to Bukhara in 1831-1832 and 1833]. V 2 ch. Ch. 2. M. [in Russian]
- Bulgarova et al., 2020** – *Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E.* (2020). The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 57(3): 1093-1100.
- Cherkasov, 2020** – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.
- Istoriko-statisticheskii ocherk, 1891** – *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska* [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army.]. Sost. F. Starikov. Orenburg, 1891. [in Russian]
- Ivanin, 1874** – *Ivanin, M.I.* (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839-1840 godu [Description of the Winter campaign to Khiva in 1839-1840]. SPb. [in Russian]
- Khalfin, 1974** – *Khalfin, N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)]. M. 406 p. [in Russian]

- Khoroshkhin, 1876** – *Khoroshkhin, A.P.* (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraia [Collection of articles related to the Turkestan region]. SPb. [in Russian]
- Klychnikov, Lazaryan, 2018** – *Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S.* (2018). “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 31-39.
- Kosyrev, 1898** – *Kosyrev, E.* (1898). Pokhod v Khivu v 1839 g. (iz zapisok uchastnika) [Hike to Khiva in 1839 (from the participant's notes)]. *Istoricheskii vestnik*. 8: 539-545. [in Russian]
- Lysenko, 2018** – *Lysenko, Yu.A.* (2018). «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 50(4): 1518-1529.
- Lysenko, 2019** – *Lysenko, Yu.A.* (2019). The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 51(1): 138-148.
- Mac, 1874** – *Mac, G.A.* (1874). Gahan. Campaigning an the Oxus and the Fall of Khiwa. London.
- Materialy po istorii..., 1940** – *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR. 1785–1828 gg.* [Materials on the history of the Kazakh SSR]. M., 1940. T. 4. 543 p. [in Russian]
- Meiendorf, 1975** – *Meiendorf, E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. M., 183 p. [in Russian]
- Murav'ev-Karsskii, 1822** – *Murav'ev-Karsskii, N.N.* (1822). Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh, gvardeiskogo General'nogo Shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, by the Guards General Staff of Captain Nikolay Muravyov, who was sent to these countries for negotiations]. M.: tipografiya Avgusta Semena. [in Russian]
- Nazarov, 1968** – *Nazarov, F.* (1968). Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh srednei chasti Azii [Notes on some peoples and lands of Central Asia]. M. [in Russian]
- Schuyler, 1876** – *Schuyler, E.* (1876). Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kullja, London.
- Sladkovskii, 1977** – *Sladkovskii, M.I.* (1977). Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917)]. M. 440 p. [in Russian]
- Terent'ev, 1903** – *Terent'ev, M.A.* (1903). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [The history of the conquest of Central Asia]. V 2 t. SPb. [in Russian]
- Terent'ev, 2010** – *Terent'ev, M.* (2010). Khivinskie pokhody russkoi armii [Khiva campaigns of the Russian army]. M., 448 p. [in Russian]
- Vamberi, 1865** – *Vamberi, A.* (1865). Puteshestvie po Srednei Azii [Journey through Central Asia]. SPb. Pp. 157-158. [in Russian]

Рабство в Центральной Азии (первая половина XIX века): природа и проявления

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c, Елена Константиновна Минеева ^d, Леонид Леонидович Баланюк ^e

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^d Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^e Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается рабство в ханствах Центральной Азии, прежде всего в Хиве и Бухаре в первой половине XIX века. Уделено внимание захвату пленников и их национальному составу, работоторговле, условиям жизни рабов, а также попыткам их освобождения из неволи, которые предпринимались как лично пленниками, так и разными государствами.

В качестве источников были использованы различные материалы личного происхождения, в первую очередь документы представителей русских дипломатических миссий, русских офицеров – участников Хивинских походов, а также российских и иностранных путешественников.

В заключении авторы отмечают, что работоторговля и рабозахват в Центральной Азии в экономике региона составляли значительную часть доходов. Пленники захватывались кочевниками-туркменами в Персии и в России, после этого доставлялись на рабовладельческие рынки в азиатские

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

ханства. Необходимо пояснить, что статус азиатских рабов был сопоставим со статусом домашних животных, к рабам применялось разнообразное насилие, в том числе по религиозным причинам.

За доставленных на рабовладельческий рынок пленников туркмены-кочевники получали продукты питания, а покупатели направляли невольников на сельскохозяйственные работы для производства продуктов питания. В результате создавалась экономически привлекательная цепочка между кочевником, работником и эксплуататором. Ввиду отсутствия недостатка в рабах пленники жестко эксплуатировались, получая от рабовладельцев минимум еды и одежды. Большую часть рабов в Центральной Азии составляли выходцы из Персии, рабов из России было гораздо меньше, благодаря мерам по охране границы – Оренбургской линии. Однако для полного прекращения налетов на территорию России требовались более решительные меры, а именно создание фортификационных сооружений непосредственно в Киргизской степи.

Ключевые слова: рабство, Центральная Азия, первая половина XIX века, ханства, Бухара, Хива.